

В СТИЛЕ DIFFERENT

Повесть

КОТАЙК

Какая душистая клумба у нас в обители! Вокруг нее старые тополя, а под тополями скамейки. Я сижу на одной из них, напротив окон издательского отдела, в тенике, довольный: сегодняшнее послушание закончил пораньше. Соответствующая подпись отца Мельхиседека, библиотекаря, моего духовника, стоит в моей послушнической книжке. Я работаю в монастырском архиве.

Обитель небольшая: три двухэтажных здания, подсобки, гараж, книготорговая лавка для мирян, а посередине сквер.

Спасаемся мы амбулаторно. Никто в обители не ночует, в том числе и настоятель — отец Лавр. Остается только охрана. И отцы, и послушники живут по домам, как миряне. А те, у кого своего дома нет, обретаются в общежитии. У меня там уютная комната.

В нашей обители издревле положено по уставу: в перерывах между работой заниматься стихосложением и другим словесным творчеством. Это укрепляет дух и способствует воображению грядущего смертного часа.

У нас замечательная трапезная. Во время приема пищи, вместо чтения житий святых вслух, два послушника играют на китайских дудочках. Питаемся три раза в день.

Братия делится на послушников и отцов. Высшая ступень — должность настоятеля. Он же формально не подчинен никому, потому что церковное начальство про нас давно забыло. Только благочинный по епархии иногда заезжает повечерять с отцом Лавром, и то по старой с ним дружбе.

Каждый послушник у нас имеет своего духовника.

В личной книжке послушника, нужной для облегчения контроля отца над совершенствованием чада, две графы: первая — для оценки физического труда, вторая — духовного. По десятибалльной системе. С первой графой все понятно, труд как труд, а со второй сложнее: чем искушенней отец, тем заковыристей он дает духовное послушание своему подопечному. Может, например, заставить за день сочинить десяток коротких неоплатонических апокрифов на свободную тему или выучить наизусть пару псалмов Давида задом наперед на греческом.

Мой духовник, отец Мельхиседек, не мучит меня мудреными задачами, проверками и отчетами. Он понимает, что систематизацией архива заниматься некому, кроме меня, и что я тружусь усердно и с интересом. Каждый вечер он ставит максимальные баллы в обеих графах моей послушнической книжки.

Правда, отец Мельхиседек благословил меня ежедневно читать мирские книги, художественные и не очень. Но это ничего, иногда даже интересно. А другие отцы частенько по полной программе мурыжат своих послушников и даже принуждают к труду на территории обители в ночное время, если послушник не успел закончить к вечеру дневное послушание.

Мы не исповедуемся, не причащаемся, а посты соблюдаем по желанию. Одеваться у нас можно как угодно, ходи хоть в рясе, хоть в тоге.

Братия получает зарплату. И отцы, и послушники — одинаковую, небольшую.

Странникам приют не даем, только кормим их иногда. С недавних пор перестали принимать скитальцев, после одного случая. В марте к нам прибред мужик, попросился на жительство, сказал, будет работать за еду и ночлег. Пару дней он трудился вместе со всеми, а на третий с утра заперся в бойлерной и стал оттуда через зарешеченное окно поносить наш монастырский уклад, братию и — особенно хулительными словами — настоятеля. Кричал, что мы дармоеды, живем на всем готовом и сосем из мирян жизненную энергию, что отец Лавр астральный плагиатор и пустосвят.

Закрыв металлическую дверь изнутри на засов, он бесчинствовал до полудня, не вникая в увещания. Дошло до того, что он обвинил настоятеля в двоебожии. Отец Лавр спросил его, почему. И этот мужик, показав рожу в оконце бойлерной, крикнул:

— Потому что служишь лесному пню и президенту!

Дверь была вскрыта «болгаркой», странника вытащили из бойлерной и выставили за ворота, а отец Лавр велел не пускать больше в обитель бездомных.

Мне же слова этого скитальца запали в душу. Со светской властью все ясно, но почему зазорно служить лесному пню? Если внимательно посмотреть на неровные годовые кольца какого-нибудь пенька, можно различить лики, похожие на иконные, в своей безыскусности сходные с работами коптских мастеров. Получается, что целое дерево — это на самом деле трехмерная внутренняя иконопись, растянутая иной раз на десятки метров. Поэтому и тополя у нас в сквере расположены, скорее всего, в сакральном порядке, символизируя архииконостас, так как ныне усопшие отцы, их посадившие, ничего не делали бессмысленно. Но об этом мало кто догадывается из братии, все просто работают, молятся каждый на свой лад, а когда тополя разрастаются, отец завхоз обпиливает их с помощью бензопилы и длинной лестницы.

Перед тем как ехать в общежитие, я поужинал и присел на скамейку: не хочется уходить из-под защиты родных намоленных стен. Здесь я уже почти шесть лет.

Вечер, братия спешит закончить свои послушания. В издательском отделе все еще на местах. Окна там открыты: оргтехника греет воздух, а кондиционера нет. Перед настоятельским корпусом послушник Василий моет машину отца Лавра. Несколько послушников разбирают забор вокруг спортивной площадки. На этом месте настоятель решил построить трехэтажное здание с большой подземной частью. Спортивная площадка переместится в подвал, а верхние этажи можно сдавать под офисы, будет на что разговестись братии иной раз.

Мимо издательского отдела неспешно идет отец Никита. Он заместитель заведующего кафедрой духовной критики. Наш монастырь, помимо издания святоотеческой литературы и семинарной работы с группой оглашенных, занимается и наукой. Отец Никита по-своему благочестив и незлобив, ему шестой десяток. Сегодня он с чудовищного похмелья, и я проникаюсь к нему сочувствием.

Окликаю отца Никиту. Он подходит, молча пожимает мне руку и, кряхтя, садится на скамейку справа от меня. Он смугл, морщинист и небрит. Очки с коричневыми стеклами сидят на носу кривовато, руки его мелко, почти незаметно, дрожат. На нем потрепанная, но чистая клетчатая рубашка с коротким рукавом, джинсы, старенькие сандалии.

— Хотите холодного пива, отец Никита? — спрашиваю я.

Он удивленно хмыкает и говорит нараспев, с какой-то иудейской интонацией:

— Да, Олежа, о-очень, о-очень хочу...

В трапезной, на кухне, подвизается поваром мой приятель — послушник Анастас. Он позволяет мне в счет зарплаты брать пиво из настоятельского холодильника. А у отца Никиты на кухне связей нет.

Я прошу его подождать. Иду в трапезную, беру шесть бутылок армянского пива «Котайк». Отец экономично закупает его оптом для отца Лавра. Я принес побольше, чтобы и самому выпить.

Сажусь на скамейку, кладу сумку рядом. Отец Никита пристально смотрит на нее.

Употреблять спиртное в обители дозволено только отцам. Однако если послушник пьет не один, а с отцом, это тоже допускается. Курить же можно всем.

Я спрашиваю отца Никиту:

— Можно коротенькую речь дам перед тем, как выпьем?

— Давай, — разрешает он и добавляет: — Садист.

— Пиво в России повсеместно делают отвратительное, отец, — говорю я. — Стыдно называть пивом эту бурду из водопроводной воды, концентратов и углекислого газа... Но миллионы наших лополухих соотечественников пьют-таки российское пиво. Названия самых позорных марок начинаются со слов «старый», «золотая» и «толстый». Им отдают предпочтение не только молодые гопники и жлобы в возрасте, но и вполне вменяемые миряне. А ведь это яд, похлестче паленой водки. Российское пиво губит и верующих, и атеистов, тогда как некоторым верующим паленая водка нипочем. А вот «Котайк» — это и не особо дорого, и достойно. Оно делается из настоящего хмеля...

Все, пора заканчивать речь. Отец Никита уже истомился. Смотрит на меня напряженно, но с достоинством. Я достаю из сумки и открываю две бутылки, одну даю ему. Он отпивает сразу почти половину, я делаю три глотка. Отцу Никите легчает. Взгляд его прояснился, тело наконец расслабилось. Он поправил очки и сказал:

— Живем мы, Олежа, в монастыре, а храма у нас нет. Даже часовенкой за столько лет не обзавелись. Как думаешь, это нормально?

— Нет, — отвечаю я. — Только почему-то об этом у нас говорить не принято, братия этого вопроса стыдится, словно патриотизма. А круглая комната в настоятельском корпусе — как-то несерьезно. Как баптисты.

В круглой комнате когда-то давно был домовый храм. По вторникам мы собираемся там и поем хором современные духовные песни.

— И колокольня нам нужна, — отец Никита мечтательно посмотрел в просвет между тополями, на край крыши настоятельского корпуса, на двух ворон, сидящих там. — Я бы сам благовестил...

— Может быть, это уже лишнее? — возразил я. — Ведь колокольня — всего лишь маленькая и шумная вавилонская башня.

— Вряд ли, — отец Никита нахмурился. — Вот в этом я сомневаюсь.

ПОД АРХИВНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Из настоятельского корпуса вышел послушник Артемий. Он остановился, достал сигареты, закурил и направился к нам. Должно быть, его скоро постригут в отцы. Он давно на секретарской должности у настоятеля. Высокий, аккуратно одетый, немного женственный. Подвизается он ревностно. Правда, есть у него закавыка в биографии: был когда-то Артемий геем. Родственники свозили его на отчетку к одному прозорливому батюшке, и удачно: Артемий уговорился и стал жить в монастыре, ничем не проявляя свою прежнюю страсть. И только раз голубое бывшее напомнило о себе, когда в прошлом году к нам в обитель для полемической беседы с настоятелем приезжала группа геев из Санкт-Петербурга. После этой беседы состоялся банкет, на котором Артемий признался в одном из гостей своего бывшего. А любовник даже не вспомнил его, настолько был прожженный, просто печать поставить негде. Когда Артемий подошел к нему с приветствием, тот проговорил пискляво и недовольно:

— Ты чьих будешь, парниша?

Артемий заплакал... И два дня после этого не появлялся в обители.

Я как-то нашел в архиве любопытную фотографию: Санкт-Петербург, лето, Артемий стоит на Аничковом мосту в кожаном костюмчике содомита, рядом с ним — какой-то маленький усатый доктор в халате и колпаке, похожем на белый клобук с вышитым на нем зеленым листочком вместо креста. Доктор улыбается, Артемий задумчив.

Много интересного есть в нашем архиве. Работаю я там — как шахтер в забое, опасаясь, что может завалиться. Стены флигеля, где он находится, отсырели и потрескались, подперты изнутри бревнами, а с потолка иногда падают кусочки штукатурки, обнажая старый испод — деревянный, плетеный, как лапоть. Отец завхоз выдал мне красную строительную каску, и я тружусь в ней. Моя задача — систематизировать архив. Распределить все по годам. И целыми днями я в каске лазаю по высоким металлическим стеллажам в поисках нужных папок, сортирую документы, сканирую, пополняю базу в цифровом виде. Компьютер стоит в архиве в безопасном углу, где с потолка не сыплется штукатурка.

Артемий здороваются с нами: сперва протягивает руку отцу Никите, затем мне. Садится слева от меня. Справа от меня отец Никита. Сумка с пивом — между Артемием и мной.

— Пивка армянского хочешь? — спрашиваю Артемия.

— Не откажусь.

Я достаю бутылку, открываю, протягиваю ему.

— Холоденькое, — умиляется Артемий.

Некоторое время сидим молча, наслаждаемся пивом. Я открываю отцу Никите следующую бутылку. Подул ветерок, тополя зашумели наверху. По земле у меня под ногами ползет коричневая гусеница. Осторожно поднимаю ее двумя пальцами и бросаю в клумбу, чтобы не погибла под чьим-нибудь каблуком.

Артемий наклоняется, поджигает тополиный пух. Легкий пламень пробежал дорожкой от скамейки до урны.

— И чего это за спасенье у нас? — говорит Артемий сокрушенно. — Как в миру. Пиво пьем, курим. Трахаемся. С женщинами. Все — как у мирян. Не избежим мы огня геенского, не видать нам уготованных венцов.

Отец Никита грустно смотрит на него и отвечает:

— У нас, Артемий, хотя бы не убивают. И это главное.

Артемий озадачен. Но быстро находит, как парировать:

— Копни — убивают.

Это он, конечно, погорячился. Действительно, почти все наше спасение в том, что дело не доходит до смертоубийства. Мы даже деремся редко... К тому же, сам Артемий, может, и блудит с мирянами, а я, например, себе такого не позволяю. Хотя телки ко мне постоянно льнут.

Возле настоятельского корпуса появляется начальник охраны обители и как-то недобро смотрит в сторону нашей лавочки. Может быть, сейчас монастырь должна посетить экскурсия, или приедут с телевидения снимать передачу про наш общинный строй, такое бывает... А мы тут сидим с пивом, портим вид. Как сказал бы отец настоятель: «Возмущаем пленэр». Он у нас канонический эстет, рафинированный пастырь. И недавно в должности.

Прежний настоятель, отец Георгий, был грубоват, выражался неблагозвучно. Ходил он с алюминиевой тростью. И ему ничего не стоило огреть ею какого-нибудь обительского неслуха. Вообще он был со странностями. Как-то раз я подошел к нему благословиться, сложил ладони ковшиком, склонил голову, смотрю на его желтые штаны и черные сапожки с длинными носами, жду, когда он меня осенит крестным знаменем и протянет руку для поцелуя. А он медлит: стоит, сопит, оперся о свою трость.

Я не выдерживаю, поднимаю взор. И настоятель говорит:

«Признайся, ты же всю нашу обитель в гробу видал, потому что сам по себе спасаешься, засел в архиве, аки сын, вылезаешь оттуда только в трапезную, а общинное делание забыл, культивируя в себе гордыню».

«Что вы, отец Георгий, — стал оправдываться я, стараясь изъясняться в стиле «прости, Господи», но в то же время — лозунгово, чтобы придать этому стилю убедительность, — братию я уважаю, в коллективе много